

Магдалина Шасть

Он хороший

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Ш27

Шась М.

Ш27 Он хороший / Магдалина Шась. – М.: Литнет, 2026. – 400 с.

ISBN 978-5-521-99371-0

Девяностые. Каждый выживает как может. Олеся Сеницкая, по прозвищу Сеница, становится на скользкий путь и быстро достигает дна. И тогда ей на помощь приходит ОН. Мальчишка из прошлого. Хороший.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99371-0

© Литнет, 2026

© Шась М., 2026

Пролог

В захламлённой комнате воняло мужским потом и дрожжами, а вокруг громоздкого кресла клубился сигаретный дым. Тяжёлый полумрак не давал разглядеть лица хозяина, но интуиция орала «бегги». Припозднившаяся Синица сразу поняла, что Морж ею недоволен, но затолкала свои дурные предчувствия под продавленный диван. Очень зря!

– Ты как-то напряжён, котичка, – проворковала она игриво и облизнула губы, – Как насчёт вечернего минета? – девушка была твёрдо уверена, что не натворила ничего, за что её могли бы наказать, но не учла одного: Морж сильно психовал последнее время, и любая информация могла стать гвоздём в крышку её гроба.

– Не называй меня котичкой, дешёвка! – ошалевшая от обрушившейся агрессии Синица не успела среагировать, и её тонкая, аристократичная шея оказалась сжатой чудовищными лапищами рыжеволосого чудовища, – Теперь мы все будем сосать! Из-за тебя, болтливая тварь! Сдохни!

Болтливая? Она всего-то с младшей сестрой поговорила, денег на новые сапоги дала и маме маленький презент передала.

– Ахи-и, – захрипела Синица, пытаясь оправдаться, но мужская хватка стала ещё крепче.

– Я же говорил: молчать! Я твой гнилой язык вырежу, слышишь, тварь? Похвасталась? Жируешь, падаль? А чем Плешивому платить будешь? Чем?

В глазах девушки потемнело, от недостатка кислорода её замутило, а сердце замолотило с такой скоростью, что казалось грудная клетка разорвётся. Бестолковая Синица задыхалась. Ещё чуть-чуть и всё... Жизнь оборвётся. Никчёмная, унижительная жизнь бездарной актриски, которую нещадно тягали все, кому не лень.

«А и пошло оно всё! Пошли они все!» – мелькнуло в её голове.

Из красивых голубых глаз потекли слёзы, а с пухлых губ сорвался совсем не кинематографичный стон.

Хватка Моржа ослабла, но легче от этого не стало: два глотка безумно сладкого воздуха, и... в хорошенькое личико прилепел огромный мужской кулак, покрытый рыжими волосами. Свет окончательно погас.

Несколько минут тишины.

А потом начался ад.

– Чё стоишь? Снимай, блядь! – орал обезумевший от запаха крови Морж, пиная замершего в нерешительности оператора под рёбра, – Снимай, сука, хорош из себя девственницу строить! Я вас всех работать научу! Лёгких бабок захотели? А здесь не халява, здесь кино! Взрослое, жёсткое кино! Работай давай!

Синица с ужасом поняла, что распята на кровати самым циничным образом: запястья и щиколотки саднило от тяжёлых металлических браслетов, врезавшихся в нежную кожу. Судя по всему, Синица была совершенно голая: от холода и страха её всю колотило.

– Ща ты за всё ответишь, паскуда! – Морж вынул из ящика огромный охотничий нож, – Похвасталась? Лёгкие бабки рубишь, тварь? Чем Плешивому платить будем? Чем, а?! Снимай давай, щенок! Её крупным планом, а меня не свети... Ты думала, у Плешивого под носом будешь форсить, а он не прочухает? Тупая белобрысая кукла. Но ничего. Наш новый заказчик любит с кровью, на куски тебя порежу, дырявая грелка, не жалко. Во имя искусства и финансового благополучия. Аминь.

– Я на такое не подписывался, – оператор Лёня, совсем ещё молодой, не старше двадцати пяти лет, парень, поглядел на перепуганную Синицу с жалостью, – Олеська – нормальная баба, хоть и шлюха, она мне тушёнку таскала, когда я голодал, а ты беспредельщик... Тебя Бог накажет.

– Чё?! Ах ты шнырь смазливый, да я тебе рыло разёбу! – побагровевший до самого пупа Морж двинул на подельника, угрожающе похрюкивая.

И тут типичная «тупая блондинка» Олеся Синицкая, по прозвищу Синица, поняла, что нужно действовать.

– Прекратите, мужики! Это всё нервы! – заорала она звучным, бархатным контральто, которым в пору в оперетте высокие ноты брать, а не стонать во второсортной любительской порнухе, – Я знаю, что делать надо! Я виновата, и я найду вам... актрис, – истратив весь свой запал, девушка закашлялась, – Если сейчас разосрёмся, точно всем пизда, – добавила она хрипло.

– Чё ты там пицишь, гусеница? – лишь на секунду Морж отвлёкся на неё, но проворная рука Лёни уже оставила красноречивые отметины в районе его жирной печени. Пара секунд и ошарашенный подлым нападением Морж схватился за кровоточащую дыру в своём обрюзглом брюхе, роняя смертоносный кинжал и стигаясь в три погибели, – Лёня, я же тебя из дерьма...

– Олеська мне как сестрёнка, а я не шнырь, – произнёс Лёня, заноса над противником безжалостный кулак.

– Блядь, – Синица почувствовала, что её мутит, – Ты кто, пацан?

– Я тот, которого ты называла хорошим, Олеся, – ответил Лёня, обрушивая на голову Моржа череду смертоносных ударов. Олеся зажмурилась.

– Сколько крови, – возмутилась она брезгливо, – Неприятно.

– Извини.

Откуда он её знает? Неприметный и неразговорчивый, Лёня появился тут где-то месяца полтора назад. Бритый затылок, высокий лоб, застенчивый взгляд и накаченные плечи, и... аккуратный шрам через всю левую щёку.

Шрам? Когда-то в далёкой юности один знакомый мальчишка получил в уличной драке ножом по лицу... столько крови было. Почти как сейчас...

Синица пригляделась. Лёня? Алёшка? Ну, конечно, Алёшка! Тот самый. Как же давно всё это было, в какой-то другой жизни. Вырос, возмужал, но фраза его эта «Бог накажет»! Он! Он, родной.

– Освободи меня, – тихо приказала Синица, отчего-то испытывая что-то похожее на смущение, – Ты же – тот пацан из детдома, да? Кажется, Алёшка? А я... вот такая я теперь стала, Алёш: блядь продажная. Не смотри на меня...

– Мы все продажные, Олесь, но Бог поймёт.

– Чё заладил: Бог да Бог? Ты человека убил, нет здесь никакого Бога. Куда тело прятать будем?

Глава 1. Восьмидесятые. Олеська

Маленькая Олеся росла красавицей: пушистые, длинные ресницы, белокурые локоны до самой поясицы, небесно-голубые глаза, в которых плясали чертята. Учиться Олеся не любила, зато обожала шляться по улице до самого вечера. Матери оставалась только головой качать, да нехороший путь дочери пророчить.

– При твоей дурости тебя или обрюхатят, или изуродуют, – ворчала она каждый вечер, – Лучше бы математику решала, дома сидела.

– Не люблю я математику, не понимаю, – дерзила Олеська в ответ, упрямо сжимая кулаки, – Сама свою математику учи.

– Не понимает она, – передразнивала её мать, отвечивая непослушной дочери подзатыльник, – Говорю же, дура! Не пушу тебя гулять.

– А я сбегу, – угрожала Олеся, давно пристрастившаяся к свободной жизни и воровству.

Нет, не из-за нищеты и голода Олеся воровала – их семья особо не нуждалась: по советским меркам они были зажиточными. Папа, партийный деятель, ездил на «Волге» с водителем, мама, модистка, шила жёнам советской элиты платья на заказ, но склонную к авантюризму Олеську оседлая и размеренная жизнь угнетала. Душа требовала подвигов и больших событий, путешествий и ярких приключений.

Кому интересно сидеть дома и зубрить скучные школьные предметы? Только занудным отличникам, которых никто не уважает! А она, Олеська Синицкая, из другого теста. Она – порошок, она – огонь, она не такая, как все.

Вот так и появились в жизни девочки из благополучной семьи Олеси Синицкой развесёлые подруги Нинель и Маргаритка, обучившие её всем премудростям беззаботной воровской жизни. Обе были из неблагополучных семей: отец Нинель был осуждён за ху-

лиганство с тяжкими телесными, а матушка Маргариты меняла сожителей чаще, чем свои заштопанные чулки.

Воровали девчонки по мелочи: конфеты с прилавка, рогастики в булочной, дешёвые безделушки на рынке, а потом хвастались друг перед другом выручкой. Обычно Олеська отдавала всё награбленное подельницам – тем было нужнее. Сама она не нуждалась ни в сладком, ни в сдобном, ни в красивом, потому что хорошо питалась и сносно одевалась. Сказать по правде, одеваться она могла бы и получше, но мать намеренно покупала ей самые неприметные платья.

Красотой своей Олесья никогда не кичилась и склонности модничать совсем не проявляла: штопанные трикотажные колготки и старомодные юбки были её обычной одеждой лет до шестнадцати. Жопы в тепле и ладно.

И так, наверное, бы продолжалось долго, если бы не случилось то, что случилось.

Произошло это ранней осенью, в один из тёплых и солнечных сентябрьских дней, на колхозном рынке. Утро, выходной, хорошее настроение и шумная толпа покупателей, в которой можно легко затеряться, располагали к приключениям. Подружки сразу разделились, чтобы в случае чего было удобнее убегать. Тут-то и приметил белобрысую Олеську один из продавцов, суровый дядька-армянин с пронзительными карими глазами.

– А ну стой, воровка! – гаркнул он на весь рынок, кидаясь за девчонкой вдогонку, – Держи её, она у меня мандарины спёрла! Стой!

Олеська не успела увернуться, как одна из ушлых баб-продащиц поймала её за руку и больно сжала локоть цепкими пальцами.

– Ай, – вскрикнула девчонка, пытаясь вырваться, – Отпусти-те! – от боли на глаза выступили слёзы, а колени подкосились, – Я ничего не делала!

– Она! Воровка! Точно она! – заверещала поймавшая её баба, – Она у меня черешню по лету воровала!

– Дались мне ваши черешни с мандаринами! Отстаньте от меня! – Олеська чуть не расплакалась и тут же получила от армянина

ладонью по уху, – Ай, вы чего дерётесь? Я в милицию пожалуюсь, не имеете права!

– В милицию? Это мы тебя в милицию сдадим! А ну, выворачивай карманы! Тащите её, бабоньки! – беспомощную Олеську живо подхватили под руки, награждая по дороге тумаками и проклятиями. Больше всего буйствовал дядька.

– Давайте я её обыщу, они обычно за шиворот прячут и под юбку. У, какая! Только посмотрите на неё: белобрысая, ангелом притворяется, а сама шалава, небось! – орал он, всё больше распаляясь и уже вовсю пощипывая Олеську за бока, – Признавайся, проституцией занимаешься? – он бесстыдно задрал ей подол, с интересом оглядывая стройные ножки.

– Занимается, знаем мы таких! – вторили ему бабы, таская бедную Олеську за волосы, – Бей её, бей! Ах, ты шалава пергидрольная!

– Я не проститутка, – разревелась девчонка, кое-как уворачиваясь от ударов и тычков, – Вы за всё ответите! Уроды! Отстаньте!

– И не стыдно тебе, Ашот, беспомощных девушек обижать? – негромкий, но авторитетный мужской голос заставил Олеськиных обидчиков заткнуться.

Бабьё прекратило таскать девчонку за волосы и попятилось в разные стороны, явно не желая нарываться, а армянин застыл по стойке «смирно», будто проглотил монтировку.

– А ну отпусти меня, беспределщик! – скинула его руки со своего тела оскорблённая Олеся, – Я на тебя заяву накатаю! – она медленно подняла голубые глаза на своего спасителя, и её рот вмиг наполнился вязкой слюной. Все мысли разом испарились.

ОН смотрел на неё прямо и насмешливо, чуть кривя губы в обаятельной улыбке. От его мужской красоты у Олеськи сорвало крышу, а из ушей пошёл пар. Ясные карие глаза, гладко зачёсанные назад светло-русые волосы, спокойная уверенность в себе – в таких девчонки влюбляются раз и навсегда, и больше никогда не становятся прежними.

– М-да, – причмокнул ОН, с брезгливостью оглядывая её убогий прикид, – Личико нормальное, платье отстой, а жаргон совсем дерьмо, – констатировал, осуждающе покачивая головой.

– Она – воровка! – оживился Ашот, – Она у меня мандарины...

– Пошёл отсюда, – выплюнул спаситель прямо в лицо Ашоту, и тот быстро ретировался, – Домой иди, – обратился он к спасённой, внимательно ощупывая её ставшее напряжённым и скованным тело снисходительным взглядом, – Такая маленькая, а уже приключения на свою тощую жопу нашла. Дурёшка малолетняя! И шмотки нормальные купи, смотреть тошно, – посоветовал он шокированной произошедшим девчонке, равнодушно отвернувшись, как будто потерял всякий интерес, и... зашагал бодрым шагом прочь.

В глаза Олесе бросились его безумно дефицитные импортные джинсы, ладно сидящие на рельефной фигуре.

Блин! На секунду Олеська зависла, словно неподготовленная к уроку двоечница возле доски: как же этот хмырь хорош! Внешность, одежда, манеры – всё в нём гармонично и круто. Сколько ему лет, интересно? Двадцать? Двадцать пять? Или восемнадцать? Но откуда такой авторитет среди продавщиц?

Хорош! Пятая точка у него что надо, да и все остальные точки очень даже ничего! Явно в качалку не один год ходит. А походняк какой! Будто король бубновый!

Только вот совсем охренел!

– Я не маленькая, ты! Слышишь ты, эй?! Мне уже... восемнадцать. Сам ты маленький! И шмотки у меня нормальные! – выкрикнула она в широкую мужскую спину.

– На хрен иди, малолетка, – беззлобно рассмеялся незнакомец через плечо, оставляя расстроенную Олеську наедине со своей обидой.

– Олеська, чё Ашот хотел? Ты нас не сдала? Сваливаем! По-бырому, ну, – невесть откуда взявшиеся Нинель с Маргариткой уже тащили её к воротам, – Валим, говорю, пока Ашот не вернулся! Ну, ты чё застыла?